

Вот оно, эти райские кущи,
этот утренний царственный звон.
Вот земля — я не видывал лучше!
Вот где счастье черпать испокон!
Всё едино — трава и ромашки,
палисадник и старый сарай,
И какая-то ранняя пташка,
что стремглав улетает в зенит,
чирканёт о пространство букашкой,
и литое пространство звенит...
Что со мной, что со мною творится?
И за что столько счастья дают?
Вот щекастые детские лица
в белом облаке песню поют.
И ничто на земле не заклято.
Зло мирское увидеть — тщета.
Возлежат и гуляют телята.
Как ни сдвинутся — всё красота!
Всё вокруг бесконечно и вечно,
всё рождает немеркнувший свет:
небеса, и пригорок, и речка...
Только мне бесконечности нет.

Ну, а вдруг, ну, а вдруг
не пойдут наши чувства на убыль?
И сумеем взлететь
над бессмыслицей скуки и лжи.
Дай мне руку свою,
дай мне плечи, дай робкие губы.
Дай мне душу свою,
и мою, и мою удержи.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Редкий лесок. Молчаливая стужа.
Поле. Заката черта.
На рыжих, присыпанных листьями лужах
почиет сама красота.

Птицы неведомой чистые блёстки.
Матовый свет. Небеса.
Воздух прозрачный, туманится воздух,
словно родные глаза.

Поздняя осень — тут нету худого.
Палые листья. Гнильца.
Словно прекрасного, немолодого
в том отраженье лица.

Птица поёт и покой навевает.
Солнце прощально блестит.
Жаль, что бессмертным ничто не бывает.
Миг. Паутинка летит...